
Светлана Жуланова
Холодный чистый свет
Hard Sci-Fi роман

Светлана Жуланова
Холодный чистый свет

https://litres.ru/74486183
SelfPub; 2026

Аннотация

«Холодный чистый свет» — это глубокий научно-философский роман на стыке Hard Sci-Fi и квантового романтизма.Все люди испускают свет — это научный факт. Но наш свет несовершенен: он заперт в вогнутых зеркалах эго, комплексов и обид. Мы лишь отзеркаливаем травмы друг друга, сжигая ресурсы планеты ради внешней «накачки» — лайков, статусов и суеты.На орбитальной станции «Квант-7» пятеро учёных решаются на безумный шаг: доказать, что в точке Абсолютного Нуля (состоянии Самадхи) сознание способно сотворить чудо. Физик Светлана Левицкая строит ловушку, где нет ни зеркал, ни красителей. Только чистая пустота. Здесь, убрав защитные маски, двое влюблённых создают «Рапсодию» — квантовое сопряжение душ, способное исцелять пространство. А эксперимент всего экипажа рождает Мегасуперфотон, меняющий Землю.Сможет ли человечество разбить свои зеркала и шагнуть в Ноль — в новое начало эволюции? Или сгорит в хаосе эго-игр? Свет — это не то, что освещает нас снаружи. Свет — это то, что мы есть.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Холодный чистый свет

Глава

Роман

«Мы рождаемся в жарком хаосе проявленного мира, укутанные в плотные одежды из чужих ожиданий и собственных страхов. Мы смотрим на тех, кого любим, сквозь вогнутые зеркала обид и триггеров, отчаянно ища тепла в искусственном красителе земной суеты. Но истина ждёт нас в тишине.

Там, где эго замирает на пороге Абсолютного Нуля, ломаются защитные стёкла. В этой звенящей, первозданной пустоте Самадхи мы перестаём быть просто зеркалами, отражающими чужую грязь и боль. Мы вспоминаем свою настоящую, волновую суть.

Свет — это не то, что освещает нас снаружи.

Свет — это то, что мы есть».

Альберт Эйнштейн (физик-теоретик):

«Вся оставшаяся жизнь кажется мне лишь подготовкой к тому, чтобы понять, что такое свет».

Нилс Бор (один из создателей квантовой механи-

ки):

«В квантовой драме бытия мы одновременно являемся и актерами, и зрителями».

Макс Планк (отец квантовой физики):

«Как человек, посвятивший всю свою жизнь самой точной науке — изучению материи, я могу сказать вам в результате моих исследований атома вот что: материи как таковой не существует. Вся материя возникает и существует только благодаря силе, которая приводит частицы атома в вибрацию и удерживает эту самую минутную солнечную систему атома вместе. Мы должны предположить, что за этой силой стоит сознательный и разумный Разум. Этот Разум является матрицей всей материи».

(Цитата полностью обосновывает теорию Мегасуператома и поля

ψ Cpsi sub cap C
####
).

Александр Гаврилович Гурвич (советский биолог, создатель теории биополя):

«Жизнь — это не состояние материи, а векториальный процесс, направляемый полем, которое само создает порядок из хаоса химических реакций».

Фритц-Альберт Попп (основоположник биофотоники):

«Мы знаем сегодня, что человек, по существу, является существом света. В настоящее время современная наука достигла стадии, когда она способна доказать это экспериментально».

Лао-Цзы (древнекитайский философ, основатель даосизма):

«Тридцать спиц соединяются в одной ступице, но телега движется благодаря пустоте между ними. Сосуды делают из глины, но используют пустоту в сосуде. Стены прорубают для дверей и окон, но используют пустоту в доме. Поэтому польза от бытия, а выгода от небытия».

Свами Вивекананда (индийский философ и духовный мастер):

«Когда ум успокаивается, когда исчезают все волны мыслей, зеркало души становится чистым, и в нем отражается истинное Я — чистый, неизменный свет, не зависящий от внешнего мира».

Карл Густав Юнг (психоаналитик, философ):

«Тот, кто смотрит наружу — видит лишь сны; тот, кто смотрит внутрь — пробуждается. Все, что раздра-

жает нас в других, может привести к пониманию себя».

Все люди испускают свет. Абсолютно все.

Об этом шепчут эзотерики. Об этом кричат все религии мира. Это подтвердили учёные. То тепло, которое испускает наше тело, по сути, является не просто тепловой энергией, не просто хаотичным движением атомов, а фотонами — тончайшими, неуловимыми частичками света.

Но этот свет несовершенен. Когда мы болеем, температура тела поднимается, и фотоны начинают двигаться хаотично, превращаясь в злой, ломаный ультрафиолетовый шум. Когда мы горим страстью, ревностью или обидой, наше сердце испускает тяжёлый, удушливый жар, который заставляет кванты света дрожать и сталкиваться друг с другом. Это яркий свет — свет проявленный, земной, но всегда привязанный к хаосу и тлену материи. Но есть такое состояние, которое японцы называют koi no yokan (####), знание о будущей любви. Это свет истины, пробившийся сквозь толщу материй, словно лазерный луч, озарение…

Но давайте вспомним, что вы чувствовали в последнее время? Станьте экспериментатором, сторонним наблюдателем, исследователем себя.

Вы чувствовали когда-нибудь холод, идущий из самой глубины души? Не тот холод, от которого бьёт озноб при простуде, и не ледяной сквозняк из открытого окна. Осо-

бенный, звенящий, словно декабрьский мороз покой, нежно разливающийся внутри, останавливающий маятник времени. Какое состояние вы испытывали до этого, в тот момент и после?

Вы чувствовали когда-нибудь жар своего сердца — не от гриппа, а от безумной, сногсшибательной страсти, к человеку, к делу, к произведению искусства? Что вы ощущали до, в моменте и после?

Вы чувствовали невероятную нежность, словно ангелы обнимают вас? Ту нежность, что не каждый младенец получил при рождении. Ту, что не каждый мужчина познал с любимой женщиной? Где вы были до этого момента, во время него и после?

А что вы чувствуете сейчас? Насколько богатую эмоциональную палитру подарила вам жизнь?

Когда тело человека слегка охлаждается в моменты абсолютного ментального затишья, фотоны начинают более упорядоченное, плавное движение. Это предчувствие иного, высшего состояния — холодного чистого света.

Учёные годами изучают биофотонику человека. Основоположник этой науки, немецкий биофизик Фритц-Альберт Попп, ещё в 1975 году в Марбургском университете зарегистрировал с помощью фотоэлектронного умножителя слабое свечение живых клеток — всего несколько фотонов в секунду. Это излучение он назвал «биофотонами». Попп выдвинул радикальную гипотезу: все живые клетки непрерывно

испускают сверхслабое ультрафиолетовое и видимое излучение, и эти эмиссии могут формировать пространственно организованное электромагнитное поле, опосредующее межклеточную коммуникацию и регуляцию. Он утверждал, что спектральное распределение биолюминесценции аномально плоское, как у лазера, релаксация после возбуждения имеет гиперболический, а не экспоненциальный характер, а статистика счёта фотонов демонстрирует субпуассоновские распределения — всё это указывало на когерентную природу явления. Критики возражали: в тёплой и влажной среде клетки квантовая когерентность должна разрушаться за фемтосекунды. Но Попп настаивал: свет живых клеток — не случайный шум, а организованное поле. Он предложил термин «фотонное биополе» — концептуальное уточнение, которое отличает организованные паттерны биофотонной эмиссии от чисто хаотического теплового шума.

Ещё раньше, в 1944 году, Александр Гаврилович Гурвич опубликовал «Теорию биологического поля» — работу, которую сам считал не просто гипотезой, а попыткой дать биологии её собственный теоретический фундамент, подобный тому, что есть у физики. Он утверждал, что в основе всех биологических явлений лежит векториальность — направленность движения и развития, которую невозможно объяснить одними химическими механизмами. Поле, по Гурвичу, создаётся хроматином ядра в его неравновесном состоянии, распространяется за пределы клетки и формирует в

организме специфическую молекулярную упорядоченность. Это поле анизотропно и преемственно — при делении клетки оно делится вместе с ней. Разновидностью этого поля Гурвич считал митогенетическое излучение — сверхслабое ультрафиолетовое свечение, возникающее при делении клеток и стимулирующее деление соседних, которое он открыл ещё в 1923 году и за изучение которого получил Сталинскую премию. Теория Гурвича была встречена с интересом, но не выдержала проверки временем: эксперименты по воспроизведению митогенетического эффекта давали противоречивые результаты, а молекулярная генетика предложила более убедительные объяснения морфогенеза. И всё же именно Гурвич первым ввёл в биологию понятие поля как активного формообразующего начала — и это делает его прямым предшественником тех идей, которые современные ученые все активней исследуют.

Также есть эксперименты с зеркалами Козырева — системами вогнутых алюминиевых зеркал, которые, по гипотезе профессора Н. А. Козырева, способны фокусировать различные виды излучений, в том числе от биологических объектов. В экспериментах 1990-х годов испытуемые внутри таких зеркал испытывали «выход из тела», видели образы прошлого, а качество телепатического контакта зависело от обученности участников. Зеркала работали как линзы для «тонких» излучений — но никто не мог сказать, что именно они фокусируют.

Но что если пойти дальше? Исследовать когерентность биополей между людьми? Когда они ссорятся в тесных комнатах, бьют посуду и ранят друг друга словами? Когда они мирятся, соприкасаясь заплаканными лицами в темноте? Когда они находятся в абсолютном покое? Хотя последнее в условиях Земли, этой бурлящей тепловой ванны, заполненной миллиардами кричащих сознаний и эмоциональных вулканов, практически недостижимо…

Суператом на орбите

Орбитальная лаборатория «Квант-7» висела на низкой околоземной орбите. В огромных кварцевых иллюминаторах кают-компании медленно проплывала Земля — огромная, лениво вращающаяся, лазурно-голубая, тёплая, живая. Там, внизу, осталась вся привычная жизнь — шум автострад, шуршание осенней листвы, запах мокрого асфальта и миллиарды людей, излучающих свой невидимый биофотонный мир.

Внутри же станции царил холод. Не тот космический холод, что безмолвствовал снаружи, за тонкими титановыми стенками обшивки, в бездонном вакууме, а другой — лабораторный, стерильный, пустой.

Светлана Левицкая в модуле «Холод» ищет чистый свет, ведомая какой-то невероятной страстью первооткрывателя.

— Они снова утекают, как сквозь пальцы вода, как песок

сквозь время — сказала Светлана, не отрывая взгляда от матового экрана монитора.

Жёсткий лабораторный стул придавал стойкости духу этой хрупкой женщины, но сейчас, она сидела, обхватив себя руками за плечи. Жест внутренней поддержки из психологических тренингов. Не помогало. Нужен прорыв, озарение, но его никак не случалось.

На мониторе тем временем метались синие и фиолетовые вспышки — хаотичные, злые, как потревоженный рой пчёл. Квантовая когерентность внутри ловушки распадалась, не успев закрепиться.

Марк Гудвич стоял в дверях смежного модуля «Тепло». У него, как всегда, всё работало идеально. Марк был полной противоположностью Светлане — широкоплечий нормостеник с крупными, уверенными кистями рук, которыми он мог часами настраивать тончайшую оптику, не зная усталости. В его модуле пахло обжаренными кофейными зёрнами — Марк ухитрялся протаскивать на станцию контрабандный кофе в вакуумных пакетах, — и этот будничный, земной запах сейчас нелепо вторгался в стерильную зону Светланы.

У Марка в установке два вогнутых зеркала удерживали плотный раствор органического красителя. Под действием лазерной накачки поляритоны при комнатной температуре послушно конденсировались в устойчивый суперфотон. На выходе горел ровный, тёплый жёлтый луч. Стабильный. Воспроизводимый. Послушный, как приручённое животное.

— Свет, может, тебе всё-таки нужен краситель? — спросил он мягко, подходя все ближе и ближе. И когда расстояние между ними почти исчезло, Светлана резко выдохнула весь воздух, словно выстраивая невидимую границу между ними. Марк замер. Он знал, Светлана не позволяет мужчинам проявлять тактильные контакты. Если другие сотрудники станции всегда обменивались рукопожатиями, приветственными обнимашками, то Светлана – никогда. Только холодное «Здравствуйте» или легкий кивок головы, если энергия ее была критически близка к нулю.

— Краситель — это посредник, Марк, — ответила Светлана, так и не повернув головы. Её профиль казался высеченным из куска полярного льда. — Это костыль, за который вы, приверженцы классического подхода, цепляетесь, потому что боитесь пустоты. Я хочу поймать чистый свет. Без среды.

— Без среды не бывает когерентности, — Марк вздохнул, и в его голосе физика смешалась с вполне человеческой, земной досадой. Ему хотелось взять её за эти дрожащие плечи, встряхнуть, заставить выпить чашку его контрабандного кофе и просто поговорить, как обычные люди. Но Светлана выстроила вокруг себя стену из формул. — Свет не может синхронизироваться в ничто. Ему нужна матрица, чтобы термализоваться.

— Может. В самадхи, когда сознание полностью очищается от мыслей, — тихо прошептала она.

Марк не стал смеяться. Он давно заметил, что Светлана говорит о квантовой оптике так, как другие говорят о глубокой медитации. И его это одновременно раздражало, пугало и непреодолимо завораживало. Он протянул руку и аккуратно указал на один из датчиков.

— Ты слишком напряжена. Посмотри на показания. Твой мозг сейчас работает в режиме бешеного бета-ритма. Твои собственные биофотоны шумят так, что ловушка сходит с ума. Твоё поле излучает хаос, и приборы его фиксируют. Они чувствуют тебя.

— Мои фотоны — это не я, — отрезала она, но её голос едва заметно дрогнул.

— А что тогда «ты»?

Она, наконец, обернулась. Впервые за долгие недели экспедиции — прямо, открыто, убрав свою привычную холодную защиту. В её больших серых глазах, отражавших синие блики лазеров, Марк увидел такую пронзительную, обнажённую уязвимость, что у него перехватило дыхание.

— Я — это то, что остаётся, Марк, когда убрать все «зеркала». Все ожидания, все требования, все роли. Всё, чем мы пытаемся казаться друг для друга.

Марк молчал. Он смотрел на неё, чувствуя, как внутри него самого — в той части души, которую он привык считать строго рациональной и защищённой докторской степенью, — что-то сдвинулось и потекло, словно тающий ледник.

Из полумрака угла, где стояли шкафы со сменными опти-

ческими модулями, раздался негромкий голос Леви Стронски. Пожилой биофизик сидел там, изучая старые распечатки. Леви прилетел на станцию неделю назад — официально как «сторонний наблюдатель» от института, неофициально — как человек, умевший видеть невидимые связи между вещами. На нём всегда был старый, застиранный свитер поверх форменного комбинезона, и он постоянно пил остывший чай из пластикового термоса.

— Леви Стронски любил цитировать Гурвича, — негромко проговорил он сам о себе в третьем лице, как делал всегда, когда хотел дистанцироваться от спора. — Хотя мало кто на этой высокотехнологичной жестянке понимает, зачем старик это делает. «Поле, — говорил Гурвич, — не следствие клеток. Поле — причина их организации. Хроматин ядра создаёт неравновесность, неравновесность создаёт поле, поле создаёт порядок. Всё остальное — следствия».

Леви отпил чаю, причмокнув, и посмотрел на молодых учёных своими добрыми, всепонимающими глазами.

— Вы спорите о приборах, а ведь Гурвич не смог доказать свою теорию экспериментально. Но он её увидел. А увидеть внутренним взором суть явления — всегда важнее, чем просто зафиксировать его датчиками. Светлана, вы стоите перед суперatомом, охлаждённым до нанокельвинов, и пытаетесь поймать свет. Но вы ищете его снаружи, забывая, что вы сами — часть этой ловушки.

Человеческий энергетический вакуум

Вечером на станции объявили плановый семинар, посвящённый озарениям с точки зрения физики, квантовой механики и нейробиологии. В тесной кают-компании пахло сублимированным супом и разогретым пластиком — обычные бытовые запахи космического жилища. Экипаж устроился на магнитных подушках вокруг центрального стола.

Светлана первой сформулировала то, что интуитивно чувствовала годами, прерывая мерный гул вентиляционных систем своим тихим, но отчётливым голосом:

— Проблема нашей лаборатории в том, что на орбите мы никогда не бываем по-настоящему одни. Даже когда мы запираемся в своих модулях и физически находимся в одиночестве, мы остаёмся погружёнными в плотное поле других людей. Их фотоны. Их биофотоны. Их скрытые обиды, невысказанный страх перед бездной за бортом, их мимолётные страсти, мысли, действия, чёрт возьми! Мы окружены этим мысленным смогом постоянно. На Земле этот фон создают миллиарды людей, и мы к нему привыкли, как рыбы к грязной воде. Но здесь, в замкнутом контуре, этот шум становится концентрированным. И наши эксперименты с холодным суперфотоном не работают именно потому, что мы не в вакууме. Мы в тяжёлом человеческом поле. Я не могу поймать своё научное озарение. Оно ускользает от меня точно так же, как фотоны утекают из ловушки…

Марк, крутивший в руках пустой термостакан, посмотрел на неё со смесью тревоги и скепсиса:

— Света, ты хочешь сказать, что для чистого физического эксперимента тебе нужно полностью изолироваться от всех нас? Сбежать от нашего присутствия?

— Не от вас как от людей, Марк. От ваших биологических излучений. Нам нужен человеческий энергетический вакуум. Пространство, где нет чужих биополей. Где будешь только ты, твой собственный свет и чистый эффект независимого наблюдателя.

Леви Стронски, сидевший в самом углу кают-компании и лениво накручивавший нитку на пуговицу свитера, поднял голову:

— Это технически осуществимо. Эксперименты с зеркалами Козырева показали, что алюминиевые вогнутые конструкции способны частично экранировать и перенаправлять биополе. Но их эффект всегда был неполным — они лишь фокусировали шум, но не устраняли его исходный источник. Однако если мы совместим электромагнитное экранирование камеры со специфическим, абсолютно когерентным состоянием самого наблюдателя…

— Тогда наблюдатель перестаёт быть источником хаоса, — подхватила Светлана, и её лицо впервые за вечер осветилось бледной, восторженной улыбкой.

— Именно, — кивнул Леви. — Тогда он сам становится частью этого вакуума.

Быт станции на следующую неделю превратился в сущий ад. Учёные забросили текущие регламентные работы, руга-

лись с ЦУПом, который требовал выполнения стандартных тестов, и почти не спали. Они строили камеру. Под неё выделили небольшой складской отсек в модуле «Холод». Его стены изнутри вручную обшили слоями полированного алюминия и контурами сверхпроводящих экранов. Внутри не оставили ничего: ни одного светильника, ни одного электронного прибора, способного выдать хотя бы пиковатт наводки. Только сверхчувствительные криогенные детекторы, выведенные на внешний пульт. И один человек — Светлана.

Перед стартом эксперимента в коридоре модуля было шумно. Нейробиолог Антон Крылов закреплял на голове Светланы бесконтактные оптические датчики ЭЭГ, которые он спроектировал специально для этого дня — они передавали сигналы по тончайшим световодам, не используя электрический ток и провода, чтобы не нарушать чистоту энергетического вакуума. Шла рутинная, но нервная проверка. Психолог Эва Мартинес проверяла пульс Светланы, неодобрительно качая головой.

Леви Стронски подошёл к Светлане и положил руку ей на плечо:

— Когда ты войдёшь туда и люк закроется, ты должна будешь сделать самое трудное, девочка. Ты должна стать никем. Не Светланой Левицкой, не известным физиком, не женщиной, у которой на Земле осталась старая жизнь. Просто полем. Свободным пространством. Если ты оставишь внутри себя хотя бы каплю своего прежнего «я», твои соб-

ственные биофотоны создадут тот же самый ментальный шум, от которого мы так долго пытались уйти.

— Это как самадхи, о котором говорила моя бабушка на Алтае, — тихо ответила Светлана.

— Это и есть самадхи, — серьёзно кивнул Леви. — Но только измеренное нашими приборами.

Марк стоял чуть поодаль, держа в руках её защитные очки. Когда все отошли от люка, он приблизился и молча взял её за руку. Её ладонь была тонкой и холодной, как ледник, но в месте их соприкосновения Марк почувствовал странный, покалывающий импульс. На внешнем пульте датчики Крылова мгновенно зафиксировали резкий скачок — их общая когерентность подскочила до отметки 0.73.

— Возвращайся, Света, — негромко, но очень веско сказал Марк, глядя ей прямо в глаза. — Не оставайся в этой своей пустоте навсегда. Мне... нам нужна ты. Живая.

Светлана ничего не ответила, лишь слегка сжала его пальцы в ответ, развернулась и шагнула в темноту отсека. Тяжёлый люк со свистом присосался к уплотнителям. Запорные механизмы встали на места. Внутри воцарились абсолютная темнота, космический холод и звенящая тишина.

Леви и Марк быстро прошли к пульту управления в соседнем модуле. За ними напряжённо наблюдали Эва и Антон. Детекторы начали фиксировать телеметрию: спектр, частоту, интенсивность излучения её тела, корреляцию нейронных связей.

Первые пятнадцать минут приборы выдавали сплошной хаотичный кошмар. Биофотоны Светланы бешено метались в синей и фиолетовой, «горячей» области спектра. Её сердце колотилось, дыхание было частым и неровным. Спектральный индекс отношений R упрямо держался на высоком уровне 3.2. Она отчаянно боролась со своим собственным разумом.

— Она думает о нас, — угрюмо произнёс Марк, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Ей страшно там, в темноте.

— Она думает о себе, — поправил его Леви, не отрывая взгляда от бегущих цифр. — Она пытается удержать контроль. Это то же самое.

Но через полчаса обстановка на мониторах начала меняться. Завораживающе, дюйм за дюймом, кривые поползли вниз. Синие вспышки уступали мягкому, глубокому красному спектру. Тело Светланы медленно охлаждалось — не физически (система жизнеобеспечения строго держала медицинскую норму), а энергетически. Она словно гасила внутри себя один факел за другим. Она убирала свои внутренние зеркала. Отражения детских обид, страха одиночества, отражения Марка, отражения всей своей прошлой жизни. Всё, что делало её той самой «Светланой Левицкой».

Леви Стронски затаил дыхание и указал пальцем на нижний график:

— Смотрите. Энтропия отношения падает.

Энтропия — мера сложности, хаоса и непредсказуемости биологического поля — стремительно снижалась. С первоначальных 2.8 она упала до 1.4. Затем замерла на 0.9. Весь этот ментальный шум, бушевавший в её голове, уступал место великому, монолитному порядку.

— Она становится когерентной, — прошептал поражённый Марк.

— Она становится пустой, — тихо поправил его Леви. — Она убрала себя из уравнения.

Через сорок минут датчик ФЭУ показал нечто совершенно невероятное, чего физики никогда не видели на Земле. Спектр излучения Светланы больше не смещался ни в синюю, ни в красную сторону. Он полностью выровнялся. Это была та самая идеальная, плоская линия, о которой когда-то писал Попп. Гиперболическая релаксация полей, субпуассоновская статистика счёта фотонов.

— Это больше не человеческое поле в привычном понимании, — выдохнул Леви, и его рука, державшая стилус, заметно задрожала. — Это то, что остаётся во Вселенной, когда человеческое эго полностью стёрто.

— И что это такое? — спросил Марк, чувствуя, как по спине пробежал странный холодок.

— Вакуум. Но вакуум не мёртвый, а живой. Наполненный чистой потенциальностью.

Леви Стронски аккуратно открыл рабочий журнал и сделал историческую запись:

«Объект А в условиях человеческого энергетического вакуума демонстрирует переход к неэргодическому режиму обновления. Спектральный индекс R стабилизируется на уровне 1.0. Энтропия отношения снижается до 0.9. Появление субпуассоновской статистики счёта фотонов — сигнатура когерентности по Поппу. Примечание: объект А сообщила через оптическую связь о состоянии "абсолютной пустоты, в которой нет даже меня". Физическая интерпретация: неизвестна. Метафорическая: она увидела свою истинную суть, убрав из сознания все отражения».

Мозг как суператом

Биофизик Леви Стронски после этого эксперимента работал исключительно ночами, когда на станции отключали часть освещения и наступало относительное затишье. На основе полученных данных он построил строгую математическую модель. Он определил коэффициент когерентности — величину, которая описывала, насколько фазово связаны биофотонные поля двух людей:

$$\Gamma = \frac{\langle E_{1}(t) \cdot E_{2}(t) \rangle}{\sqrt{\langle |E_{1}|^{2} \rangle \cdot \langle |E_{2}|^{2} \rangle}}$$

где E_{1} и E_{2} — комплексные амплитуды полей. Эта величина менялась от нуля — полная некогерент-

ность, хаос индивидуальностей — до единицы — полная когерентность, идеальный резонанс полей.

Он определил спектральный индекс отношения — соотношение быстрых и медленных фотонов:

$$R=\frac{N_{\text{blue}}}{N_{\text{red}}}$$

Высокий уровень R означал активное, возбуждённое, «горячее» состояние эго. Низкий R — абсолютный покой, холод, состояние глубокого самадхи.

И он вывел энтропию отношения — меру сложности поля между людьми:

$$S=-\sum p_{i}\cdot \log p_{i}$$

где p_{i} — вероятности переходов между состояниями. Высокая энтропия означала хаос и непредсказуемость отношений. Низкая — идеальный порядок, предсказуемость, когерентность.

Но в его уравнениях оставалась ещё одна переменная, которую Леви назвал буквой V — вакуумность. Мера того, насколько окружающее пространство свободно от влияния внешних, паразитных биополей:

$$V=1-\frac{\Gamma_{\text{external}}}{\Gamma_{\text{internal}}}$$

где \(\Gamma _{\text{external}}\) — когерентность с внешними полями человечества, а \(\Gamma _{\text{internal}}\) — когерентность внутри экспериментальной камеры. Когда \(V = 1\), пространство становилось идеально чистым. Только испытуемые. Только их собственный первозданный свет.

— Вот почему у вас на Земле ничего не получалось, — говорил Леви на следующий день, собрав Светлану и Марка в модуле «Холод». Старик стоял у маркерной доски, его свитер был испачкан мелом. — Вы пытались создать «холодный суперфотон» разума в поле, которое изначально было безнадёжно загрязнено. Чужими мыслями, вашими собственными страхами, вашим скрытым соперничеством за гранты, чёрт возьми! Вам нужен был вакуум. Настоящий, чистый человеческий вакуум.

— Но ведь двое людей, запертых в вакууме, неизбежно создадут новое поле, — возразила Светлана, задумчиво протирая линзу очков краем комбинезона.

— Да! — глаза Леви блеснули. — Но это поле будет кристально чистым. Оно не загрязняет пространство вокруг. Оно рождает новую реальность.

Марк внимательно посмотрел на формулы на доске:

— Леви, ты хочешь сказать, что мы со Светой можем стать красителем друг для друга? Как в моём тёплом лазере?

— Нет, Марк, — покачал головой старик. — Я хочу ска-

зать, что в условиях этого вакуума вы можете стать суператомом друг для друга. Не внешней поддерживающей средой, а частями одного, неделимого квантового состояния.

Светлана медленно закрыла глаза. Её лицо снова стало бледным и отстранённым:

— Я не могу быть частью одного состояния с ним, Леви. Потому что тогда я окончательно потеряю себя. Растворюсь в его тёплом хаосе.

— А ты попробуй, Света, — тихо и очень проникновенно сказал Марк, делая шаг к ней. — Не потерять себя. А наконец-то увидеть.

Нейробиолог Антон Крылов работал на станции уже больше года. Его официальной задачей было изучение мозговой активности экипажа в условиях микрогравитации, но его настоящей, тайной страстью были биофотоны мозга. Он измерял их уровни у космонавтов после тяжёлых смен, строил графики, писал статьи в земные журналы.

Они с Леви Стронским часто пересекались в столовой во время ночных дежурств. Быт учёных на орбите был однообразен: тусклый свет энергосберегающих ламп, гудение регенераторов воды и пластиковые пакеты с сублимированным белком.

— Леви, вы ведь понимаете, что наш мозг — это самый настоящий суператом? — спросил однажды Антон, интенсивно размешивая ложкой питательную массу в пакете.

Леви поднял густую бровь, оторвавшись от своего блок-

нота:

— Это у тебя метафора такая поэтическая, Антон?

— Да какая метафора, это строгая модель! — Антон взволнованно подался вперёд. — В квантовой оптике суператом — это облако ультрахолодных атомов, которое благодаря эффекту Ридберговской блокады ведёт себя как одна гигантская двухуровневая система. Коллективное возбуждение там делокализовано по абсолютно всем атомам сразу. Связь с квантовым полем усиливается в $\sqrt{N}$ раз, где N — число атомов!

— И ты хочешь сказать, что человеческий мозг работает по тем же принципам? — Леви заинтересованно прищурился.

— Я хочу сказать, что он может и должен так работать в свои лучшие моменты! Нейроны нашей коры — это «атомы». Микротрубочки внутри них — «квантовые резонаторы». Радикальные пары электронов в синапсах — «запутанные спины». А Ридберговская блокада — это прямой биологический аналог рефрактерного периода нейрона! Ведь после того, как нейрон возбуждается, он временно, на несколько миллисекунд, физически не может возбудиться снова. Этот биологический запрет создаёт ту самую «блокаду», которая превращает хаотическую нейронную сеть в один монолитный, управляемый объект, а не в ревущий хаос электрических спайков.

Леви глубоко задумался, побарабанив пальцами по столу:

— Хорошо. А что тогда, в твоей модели, представляет собой человеческое мышление?

— Мышление — это суперфотон! — торжествующе произнёс Антон. — Коллективное квантовое возбуждение, которое рождается из суператома мозга и по волновым каналам покидает его. Оно строго когерентное. Направленное. Как лазерный луч, бьющий сквозь темноту.

— А если мысли человека скачут хаотично, как это обычно бывает у нас грешных? Если в голове каша из забот, страхов и планов на пятницу?

— Тогда мозг не находится в состоянии суператома, — Антон помрачнел и отставил пакет с белком. — Он пребывает в состоянии перманентного когнитивного диссонанса. Слишком много мелких, параллельных задач. Слишком много надуманных, пустых проблем, которые мы сами себе изобретаем. Суператом сознания просто не может конденсироваться в основное состояние. Фотоны когерентного поля утекают сквозь синапсы. Мышление становится хаотичным тепловым шумом. Человек тупеет и блуждает в потёмках собственного эго.

Леви долго молчал, глядя в иллюминатор, где на ночной стороне Земли крошечными золотыми точками горели огни мегаполисов.

— Это полностью объясняет, почему у Светланы в её лаборатории ничего не получалось, — тихо сказал старик. — Она пыталась создать физический «холодный суперфотон»

на приборах, но сама при этом находилась в глубочайшем внутреннем диссонансе. Она разрывалась между своей гордостью, страхом уязвимости и... Марком.

— А что Марк? — спросил Антон.

— Марк — он как раз в состоянии суператома. Он цельный. Но он трус в научном плане — он использует краситель, ему обязательно нужна тёплая, привычная среда, чтобы чувствовать себя уверенно. А Светлана... Светлана хочет быть этой средой сама. Она хочет стать чистой пустотой, которая порождает свет.

Антон решительно отодвинул свою тарелку:

— Леви, дайте мне ваши логи с детекторов КЧЭВ за последний запуск. Я хочу сопоставить их с её ЭЭГ-граммой.

Лазерный луч мысли

Настоящий научный инсайт — это не просто удачная мысль, пришедшая в голову во время бритья или завтрака. Это лазерный луч мысли.

Когда человеческий мозг наконец переходит в состояние суператома — когда все миллиарды нейронов становятся когерентными, все микротрубочки резонируют на одной частоте, а радикальные пары электронов запутываются в единую сеть, — наше мышление становится монохроматическим. Одна частота. Одна фаза. Одно-единственное направление.

Это и есть инсайт. Не «идея», которая прилетает к нам из какого-то мифического ниоткуда. А мощное коллектив-

ное квантовое возбуждение, которое выстреливается мозгом вперёд, в ту самую моду реальности, откуда пришёл изначальный творческий запрос. В физике это называется *single photon superradiance* — однофотонное сверхизлучение.

Светлана Левицкая прекрасно знала это редкое, ни с чем не сравнимое состояние. Оно иногда приходило к ней в глубоком депрессивном детстве, в глухом алтайском селе, затерянном среди вековых кедров. Её бабушка, старая молчаливая женщина с сухими, натруженными руками, учила её странной медитации. Это не было сном, не было трансом или гипнозом. Бабушка называла это «присутствием без отражений». Состояние, когда ты сидишь на пороге избы, смотришь на заснеженные пики гор и полностью исчезаешь как маленькая девочка Света. Твой мозг становится суператомом. Твоя мысль — суперфотоном. И лазерный луч инсайта прошивает пространство, даруя абсолютное понимание сути вещей.

Но здесь, на передовой орбитальной станции, забитой приборами, компьютерами и амбициями коллег, это состояние к ней упорно не приходило. Слишком много внешнего шума. Слишком много ментальных зеркал вокруг. Слишком много мыслей о самой себе.

Она стояла у пульта модуля «Холод», бессмысленно перебирая оптические переходники в коробке. Марк тихо подошёл сзади, его шаги в мягких станционных туфлях были почти неслышны.

— Ты слишком напряжена, Света, — негромко сказал он.

— Я знаю, Марк, — её плечи судорожно поднялись и тут же опустились.

— Твои фотоны это чувствуют. Приборы не обманешь, они фиксируют твой внутренний зажим.

— Я знаю...

Марк протянул руку и аккуратно, одними кончиками пальцев коснулся её ладони. Светлана не отстранилась, но её кожа мгновенно покрылась мелкими мурашками.

— Что ты сейчас чувствуешь внутри себя? Скажи мне, без формул, просто как человеку.

Она закрыла глаза, и из-под длинных ресниц покатилась маленькая, прозрачная слеза, которая в условиях невесомости превратилась в идеальный жидкий шарик и медленно поплыла по лаборатории, отражая лазерные диоды.

— Я чувствую, Марк, что я — никакой не суператом. Я просто хаотичное, испуганное облако атомов, которые никак не могут конденсироваться в единое целое. Потому что я постоянно думаю. Думаю о тебе. О нашей дурацкой работе. О том, что я недостаточно хороша для этого проекта. О том, что ЦУП считает меня неудачницей. О том, что я в этой холодной вселенной абсолютно, безнадёжно одна.

Марк аккуратно поймал её руку и крепко сжал её в своих ладонях, пытаясь передать всё своё земное, надёжное тепло.

— А если ты перестанешь думать обо мне, Света? Хотя бы на время эксперимента?

— Тогда я не смогу быть полноценной средой для тебя,

— тихо ответила она, открыв глаза. В них была такая тоска, от которой у Марка защемило сердце. — Я закроюсь.

— Получается замкнутый круг.

— Нет, Марк. Это не круг. Это наш с тобой деструктивный резонанс. Мы гасим поля друг друга.

Он долго смотрел на неё. В этот момент он впервые за всё время их знакомства на Земле и на орбите увидел в ней не гениального физика-конкурента, не сложного коллегу по модулю, а просто живого, тёплого, бесконечно уязвимого человека, который отчаянно нуждался в защите.

— А если я тоже перестану думать о тебе, Света? — тихо спросил он. — Перестану оценивать тебя, перестану ждать результатов?

— Тогда мы не сможем сформировать суператом отношений. Мы станем чужими.

— А если мы оба перестанем думать? — Марк подался вперёд, их лица оказались совсем рядом, и он почувствовал её прохладное дыхание. — Перестанем думать как отдельные «я»? Перестанем защищаться своими зеркалами?

Она посмотрела на его губы, затем снова в глаза:

— Тогда... тогда мы перестанем быть двумя модами. Мы станем одним, общим суперatомом.

Эксперимент: двое в вакууме

Они провели этот эксперимент втроём, втайне от остального экипажа, глубокой станционной ночью. Леви Стронски сидел за внешним пультом управления КЧЭВ, его лицо в све-

те мониторов казалось древней маской. Светлана и Марк вошли внутрь изолированной камеры и сели по обе стороны вакуумного резонатора. Никакого органического красителя. Никакой поддерживающей матрицы. Только абсолютный человеческий ментальный и эмоциональный вакуум, космический холод за тонкими экранами и два человека, оставшихся наедине со своим излучением.

С первого же мгновения, как только защёлкнулся замок люка, всё пошло совершенно иначе, чем в прошлые разы.

На экранах Леви спектры обоих исследователей мгновенно сместились в синюю, высокоэнергетическую область. Но это не был хаотичный шум. Кривые двигались абсолютно синхронно, повторяя изгибы друг друга до сотых долей герца. Биофотонные поля Светланы и Марка начали взаимодействовать немедленно, без малейшей задержки на прохождение сигнала сквозь пространство. Как будто между их телами физически не существовало этих двух метров разделяющего вакуума.

— Коэффициент взаимной когерентности стремительно растёт, — взволнованно прошептал Леви в микрофон внутренней связи. — Отметка 0.73 пройдена. График идёт вертикально вверх. Это намного выше, чем у любого одиночного оператора. Намного выше всего, что мы фиксировали раньше.

— Леви, что это значит на твоём языке формул? — раздался в наушниках глуховатый голос Марка из темноты ка-

меры.

— Это значит, дорогие мои, что вы прямо сейчас создаёте новое поле. Вы его не находите во Вселенной, вы его генерируете своими сознаниями. Двое людей, полностью очистивших свой ментальный вакуум от внешнего земного шума, рождают то, что принципиально недостижимо для одиночки.

Спектр излучения внутри камеры не выравнивался в мёртвую плоскую линию Поппа, как это было у Светланы во время её одиночного погружения. Он вёл себя куда более сложно и красиво: спектр расщеплялся на две чёткие, выраженные моды. Одна мода была холодной, глубокой, медленной и багрово-красной — это было поле Светланы, ушедшей в глубокое самадхи. Вторая мода была тёплой, быстрой, сине-голубой — это было поле открытого, эмпатического присутствия Марка. Но между этими двумя модами существовала неразрывная, квантовая фазовая связь. Интерференционная картина на мониторе Леви Стронского начала складываться в устойчивую, невероятную по своей геометрии корреляцию.

— Это суператом отношений, — раздался в темноте тихий, звенящий от сдерживаемых слёз голос Светланы. — Это не просто молекула из двух тел. И не внешнее поле. Это наша с тобой живая связь, Марк.

— Но это не классическое самадхи одиночки, — заметил Леви, его пальцы быстро вводили команды на клавиатуре,

фиксируя данные. — Это не мёртвая пустота нирваны. Это... абсолютное, концентрированное присутствие двоих.

В темноте камеры Марк медленно протянул руку вперёд, преодолевая сопротивление невидимых полей, и аккуратно нащупал её прохладные пальцы. Как только их кожа соприкоснулась, детекторы на пульте Леви Стронского судорожно дрогнули. Коэффициент взаимной когерентности подскочил до фантастической отметки 0.89.

— Света... что ты сейчас чувствуешь? — шёпотом спросил Марк, сжимая её ладонь.

— Я чувствую тепло, Марк, — ответила она, и её дыхание выровнялось, войдя в идеальный синусоидальный ритм с его дыханием. — Но это тепло идёт не снаружи, не от твоего тела. Оно рождается где-то внутри моего собственного сердца. Твой холод освобождает меня, а моё тепло согревает тебя.

— А ты, Марк, что чувствуешь? — спросил Леви через спикер.

— Я чувствую холод, Леви, — отозвался Марк, закрыв глаза. На его лице в темноте блуждала блаженная, спокойная улыбка. — Но этот холод не пустой и не злой. Он невероятно живой. Он очищает мою голову от всего того мусора, который я считал своим умом. Кажется, я теряю способность просчитывать формулы... и мне от этого хорошо.

Леви Стронски бережно сделал подробную запись в системном журнале экспериментов:

«Присутствие второго объекта в условиях человеческого энергетического вакуума меняет квантовую картину принципиально. Объект А больше не демонстрирует плоского, изолированного спектра. Объект В не демонстрирует теплового хаоса эго. Оба оператора синхронно переходят в устойчивое связанное состояние с двумя выраженными модами. Коэффициент когерентности Г = 0.89 ± 0.04. Это не простая математическая сумма двух индивидуальных полей. Это принципиально новое, эмерджентное поле системы. Примечание: объекты сообщили о взаимном одновременном ощущении "холода изнутри" и "тепла в сердце". Объект В описал состояние глубокого ментального блаженства. Объект А — глубокий покой без потери субъектности. Физическая интерпретация явления: классическими моделями не описывается. Метафорическая: они наконец-то увидели и почувствовали свою истинную суть. Не друг друга. Себя — через отражение в другом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.